

А. А. Рудь

КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ В НАЧАЛЕ XXI В.

УДК УДК 39 (571.1)

ББК ББК 63.5 (2)

Работа базируется на полевых материалах автора 2002–2016 гг. Территория исследований охватывает ареал традиционного проживания восточных хантов в Среднем Приобье — бассейны рек Аган, Тромъеган, Пим, Лямин, Большой и Малый Юган, Демьянка. В настоящее время наблюдаются процессы как возрождения, так и прекращения функционирования культовых объектов хантов. Широко распространены перемещения ритуальных площадок святилищ, переносы культовых построек и изображений божеств из традиционных мест почитания. Факторами, оказывающими влияние на функционирование культовых объектов восточных хантов в течение последних 50 лет, являются: промышленное освоение территории Среднего Приобья, изменение демографической ситуации, социальные и политические перемены, технологическая и информационная революции, миссионерская деятельность неопротестантских церквей. Наиболее яркими свидетельствами успешной адаптации традиционной культуры в новых условиях являются: локализация мест поклонения божествам-хозяевам промысловых территорий в виде культовых объектов, продолжение функционирования культовых объектов после пожаров, возобновление поездок восточных хантов к главным угорским святилищам.

Ключевые слова: *восточные ханты, священные места, трансформация традиционной религии, адаптация традиционной культуры, культовые объекты, Среднее Приобье*

Терминология

В настоящей работе терминами «культовые объекты», «святилища», «священные места» обозначены места, в которых восточные ханты совершают традиционные религиозные обряды и ритуалы. К культовым объектам отнесены не только ритуальные площадки, культовые постройки, но и почитаемые элементы окружающего природного ландшафта, которые, по представлениям информантов, являются «местом обитания» или «домом»¹ сверхъестественных существ.²

К рубежу XX и XXI вв. исследователи традиционной культуры хантов не пришли к единой терминологии. Для обозначения сверхъестественных существ они применяют термины «духи», «боги», «божества».³ Также для обо-

значения сверхъестественных существ используют термины, взятые из хантыйского языка.⁴

По собранным сведениям, сегодня у восточных хантов четко фиксируются две группы сверхъестественных существ — *лункэт* («боги», «божества») и *йэлэк-канлэх отэт* («духи», «злые духи», «черти», «маячки»)⁵. Эти группы выделяются по принципу сходства функций и характеристик, а также по устойчивому лексическому обозначению в хантыйском языке. Отличия *лункэт* от *йэлэк-канлэх отэт* заключаются в том, что последние негативно воздействуют на людей. Обычно к духам не обращаются с молитвой, им не делают приношений. Места обитания духов ханты называют *атым тохи* («нехорошее место»), их стараются избегать. Места поклонения божествам обозначаются как *йымынг тохи* («священное место»). Именно к *лункэт* обращены молитвы восточных хантов, они же являются адресатами утешений и жертвоприношений во время обрядов на священных местах.

Культовые объекты

Пантеон восточных хантов состоит из верховных и местных божеств. Верховные божества выступают покровителями природных

¹ ПМА. 2002–2016 гг.

² Термин взят из: Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

³ Там же. С. 36–66; Лукина Н. В. Хантыйский обряд жертвоприношения. URL: http://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/lukina_n_v_106_114_2_2_2013.pdf (дата обращения: 29.03.2016); Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009. С. 527–537; См.: Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 528–573; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. С. 220–233,

307–320; См.: Wiget A., Balalaeva O. Khanty, people of the taiga: surviving the twentieth century. Fairbanks, 2011. P. 105–111.

⁴ См.: Балалаева О. Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного природопользования хантов. Екатеринбург, 1999. С. 140–156; Песикова А. С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск, 2006. С. 34–35.

⁵ ПМА. 2002–2016 гг.

стихий, жизненно важных сфер человека, а также крупных обских притоков. Местные божества являются покровителями соответствующих их рангу территорий. Иерархия божеств накладывается на социальную структуру: божества крупных обских притоков выступают покровителями проживающих на данной территории групп хантов (аганских, тромъеганских, пимских, юганских); более мелкие божества — покровителями хантыйских родов, «хозяевами» промысловых угодий и локальных ландшафтов.

Немногочисленными, но наиболее значимыми являются места поклонения верховным божествам, на которых совершаются крупные коллективные обряды (*мыр*). Некоторые из этих мест привязаны к уникальным ландшафтам,⁶ другие — не имеют четкой территориальной привязки. Сегодня, как и сто лет назад, среди хантов распространено представление о том, что обращение и жертву верховные божества могут принять в любом месте.⁷

Места поклонения божествам-покровителям крупных обских притоков, родовым и территориальным божествам-хозяевам локализованы в природном ландшафте в виде культовых объектов (сакральные ландшафты, ритуальные площадки и культовые постройки). У хантов левобережья Оби выделяется еще один вид культовых объектов — поселковые святилища. По своей значимости поселковые божества могут занимать разное место — от покровителей крупных обских притоков до местных божеств-хозяев.

Институт хранителей священных мест сохранился у восточных хантов до наших дней. Хранители святилищ являются инициаторами обрядов, выполняют функции содержания культовых атрибутов и изображений божеств. Чаще всего эти изображения делают из скола живого дерева, взятого на священном месте. По просьбам людей хранители делают копии изображений божеств или выдают скол дерева со святилища для их изготовления. Такие изображения, выступающие в качестве личного оберега, может иметь каждый человек.

Функции хранителей священных мест традиционно передавались по мужской линии внутри одного рода. Одной из причин нарушения

преемственности является отсутствие прямых наследников по мужской линии. В таком случае хранителем становится мужчина, взявший в жены представительницу рода и проживающий на ее родовых землях.⁸ Другая причина смены родов-хранителей связана с миграциями хантов, вызванными промышленным освоением Сургутского Приобья. В последнее десятилетие еще одной причиной смены родов-хранителей стал отказ от традиционной религии вследствие перехода части хантов в неопротестантизм.⁹

Смена хранителей святилища может происходить и на межэтническом уровне. Примером этого служит главное святилище лесных ненцев и хантов на реке Лямин — *Лымын Ики Эват* («Ляминская Священная гора»). Еще в первой половине XX в. Ляминская гора считалась у лесных ненцев «самым значительным священным местом Лямина».¹⁰ В настоящее время хранителями *Лымын Ики Эват* являются ханты Вындымовы и Кечимовы, предки которых переехали сюда с Казыма и Тромъегана в середине XX в. Ханты указывают, что выполняют эти функции по причине близости проживания к святилищу и отсутствия хранителей из числа лесных ненцев.¹¹

Процессы локализации мест поклонения территориальным божествам

Промышленное освоение традиционных территорий проживания заставило хантов правобережья Оби переселяться в места, еще не затронутые нефтяниками. По представлениям хантов, верхнее течение правых притоков Оби — Агана, Пима, Тромъегана — находится под покровительством различных местных божеств-хозяев. Границы территорий «обитания» этих божеств были размыты, а четко определенного места поклонения не существовало. Однако после переселения на эти земли части хантов места принесения жертв божествам-хозяевам стали локализоваться, а их культы стали более значимыми. Процесс локализации одного из таких мест в верхнем течении реки Тромъеган был подробно рассмотрен Г. Х. Самигуловым и Е. С. Сувориной.¹²

⁸ ПМА. 2007 г., 2009 г., р. Большой Юган; 2014 г., р. Малый Юган.

⁹ ПМА. 2004 г., 2009 г., 2014 г., р. Тромъеган.

¹⁰ См.: Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998. С. 47.; Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Указ. соч. С. 173.

¹¹ ПМА. 2003 г., р. Лямин 2-й; 2010 г., р. Лямин 3-й.

¹² См.: Суворина Е. С., Самигулов Г. Х. Святилище реки духов // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI региональной археол.-этногр. конф. студентов и мол. ученых. Красноярск, 2011. С. 307–308.

⁶ Лукэт Эват («Глухарина священная гора») на Оби около Сургута, известная как «Барсова гора»; Эват («Священная гора»), Яун Той Кот Мых («Вершины реки Дом-Земля») на Тромъегане; Еутская гора на Большом Югане.

⁷ См.: Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: в 3 т. / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Т. 2. Томск, 1995. С. 7, 69.

Пример включения в родовой пантеон божеств-хозяев промысловых территорий зафиксирован в бассейне реки Аган.¹³ Семья Ермаковых, проживавшая до промышленного освоения территории в среднем течении реки Ингуягун (бассейн Тромъегана), регулярно выезжала на зимнюю охоту в верховья реки Айкаёган (бассейн Агана). По приезду в места промысла Ермаковы приносили жертвы местным божествам на святилище *Айкаёган Ыымынг рэп*, чтобы получить покровительство на время пребывания «на их землях». В 1970-х гг. в связи со строительством железной дороги «Сургут — Ноябрьск» Ермаковы переселились в верхнее течение реки Айкаёган на постоянное местожительство. На святилище была принесена кровавая жертва и сделано обращение к божествам с просьбой о разрешении переселиться на эти земли.

*Изменение мест ритуальных площадок
святилищ, перемещение изображений
божеств*

Нечастое, но регулярное перемещение ритуальных площадок в границах одного культового места широко распространено на поселковых святилищах Большого и Малого Югана и связано чаще всего со сменой хранителей. Во время этой церемонии строят новое культовое сооружение, обновляют изображения божеств, совершают кровавое жертвоприношение. Часто ритуальную площадку переносят на небольшое расстояние (10–50 м) от прежнего места проведения обрядов.¹⁴ Иногда ее вместе с культовым сооружением перемещают в пределах бассейна небольшой реки, которая, по представлениям хантов, полностью имеет сакральный статус.¹⁵

Известны случаи, когда место получает сакральный статус после переноса туда ритуальной площадки и возведения культового лабаза. По сведениям, полученным в юртах Киняминных на Малом Югане, святилище *Кон Пах Ики* в течение XX в. трижды меняло свое месторасположение, причем каждое новое место не имело сакрального статуса до постановки там культового лабаза.¹⁶

Как было сказано выше, некоторые святилища являются местами коллективных жертвоприношений верховным божествам. У хантов

правобережья Оби известны случаи переноса таких мест на расстояние нескольких десятков километров. К примеру, на Тромъегане ритуальная площадка святилища *Овыр Кол* («Высокая ель») за последние 40 лет переносилась трижды: в 1980-х гг. — из-за уничтожения ураганом высоких елей, являвшихся главным объектом почитания;¹⁷ в конце 1990-х гг. — по причине пожара, уничтожившего нижний ярус растительности;¹⁸ в 2012 г. — из-за осквернения места хантами-пятидесятниками.¹⁹

На Пиме перенос мест поклонения верховным божествам связывают с промышленным освоением территории. В 1980-х гг. в результате этого процесса ритуальная площадка святилища *Нанки мори* («Расщепленная листовница») была разрушена, а место было оставлено. Уже в 1990-е гг. пимские ханты возобновили коллективные жертвоприношения в районе этого святилища. Новые места совершения обрядов локализовались в пределах 2–4 км от первой ритуальной площадки.²⁰ На рубеже 1980-х и 1990-х гг. у пимских хантов появилась практика проведения коллективных жертвоприношений в местах, ранее не связанных с почитанием божеств. Причинами выбора таких мест информанты называют «указание богов» или «решение старейшин».²¹

В ходе исследования зафиксированы переносы ритуальных площадок святилищ в связи с рубежом тысячелетий. Так, на Тромъегане ритуальная площадка святилища *Им лор* («Священное озеро») была перенесена к северу в пределах одного сакрального ландшафта (в пределах острова на озере).²² На Малом Югане по указанию старейшины была перенесена ритуальная площадка поселкового святилища и построен новый культовый лабаз.²³

В связи с промышленным освоением правобережья Оби широкое распространение получили случаи проживания хантов вдали от своих родовых святилищ. В таких случаях связь человека с землями и родовыми божествами поддерживается через регулярные посещения святилищ.²⁴ Сегодня у родовых святилищ сохраняется функция места, откуда берут скол дерева для изготовления изображения

¹⁷ ПМА. 2002 г., 2004 г., р. Тромъеган.

¹⁸ ПМА. 2004 г., р. Тромъеган.

¹⁹ ПМА. 2008 г., 2010 г., 2012 г., 2014 г., р. Тромъеган.

²⁰ ПМА. 2007 г., 2010 г., 2011 г., р. Пим.

²¹ Там же.

²² ПМА. 2009 г., р. Тромъеган.

²³ ПМА. 2008 г., 2009 г., р. Малый Юган.

²⁴ См.: Балалаева О. Э. Указ. соч. С. 142.

¹³ ПМА. 2006 г., р. Айкаёган.

¹⁴ ПМА. 2004 г., 2014 г., р. Малый Юган.

¹⁵ ПМА. 2004 г., р. Большой Юган.

¹⁶ ПМА. 2004 г., 2008 г., р. Малый Юган.

родового божества. В то же время культовые постройки и изображения божеств могут быть перемещены со святилища на стойбища хранителей либо в не затронутые промышленным освоением места.²⁵

Изменение традиционных представлений, связанных с пожарами на святилищах

В ходе опросов неоднократно были зафиксированы представления хантов о защищенности священных мест от пожаров. Информанты приводили примеры о том, что лесные пожары «обходят святилища», «не трогают культовые лабазы».²⁶ В случае уничтожения пожарами святилищ, ритуальных площадок или культовых построек это событие воспринималось как знак того, что «боги покинули это место».²⁷

Сегодня эти традиционные представления претерпевают изменения. Летом 2012 г. на территории Сургутского Приобья случилась засуха, ставшая причиной лесных пожаров. В 2014 г. на реке Лямин в ходе обследования упомянутого выше святилища *Лимын Ики Эват* было установлено, что пожаром 2012 г. была уничтожена практически вся почитаемая возвышенность. Однако в пойме у подошвы возвышенности, где верхний ярус растительности не пострадал от огня, были обнаружены следы приношения в жертву оленьей и тканей, которые были оставлены уже после пожара.²⁸ Аналогичную ситуацию мы наблюдали на священном месте *Йымынг рэп — Йымынг соим* в нижнем течении реки Тромъеган. Примечательно, что жертвенные приклады были вывешены на живые, но поврежденные огнем деревья.²⁹

Тромъеганские ханты сообщают о том, что на других святилищах, уничтоженных пожарами 2012 г. полностью, обряды перестали проводиться. В этих случаях ритуальную площадку переносили на другое место. Однако информанты предполагают возможность возобновления обрядовой деятельности: «...Пусть то место останется для следующих поколений — внуков или правнуков. Когда-нибудь там новый лес вырастет. Боги вернутся туда».³⁰

Прекращение функционирования, возрождение недействующих святилищ

Еще в начале XX в. К. Ф. Карьялайнен сообщил о том, что культовые объекты обских угров могут прекращать свое функционирование.³¹ Сегодня основными причинами этого являются: отсутствие носителей традиционной религии, физическое уничтожение святилища под воздействием природных факторов, промышленное освоение территорий,³² переселение коренных жителей, вызванное перемещением местных административных центров. Так, перенос в 1974 г. административного центра среднего течения реки Лямин из деревни Дарко-Горшково на реку Обь в деревню Сытомино и переселение части хантов и лесных ненцев привели к запустению святилищ верхнего и среднего течения реки Лямин.³³

С начала XXI в. прекращение функционирования отдельных святилищ связано с переходом части коренных жителей из традиционной религии в неопротестантизм. Такие случаи зафиксированы у хантов и правобережья, и левобережья Оби. Однако говорить об окончательном прекращении совершения религиозных обрядов по этой причине преждевременно, так как имеются примеры, когда обряды на таких святилищах продолжают проводить ханты, не принявшие новое вероисповедание.³⁴

Прекращение функционирования святилища может быть связано и с природными факторами. В XX в. на среднем Лямине функционировало культовое место *Йымынг Сухмэт Пай* («Священный березовый остров»). Объектом поклонения здесь являлась березовая роща, где росли «высокие, стройные березы». Однако в 1970–1980 гг. березы начали падать, а на их месте выросли деревья хвойных пород. Это было воспринято коренными жителями как знак того, что божества покинули священное место.³⁵

В случае прекращения функционирования культовых объектов связанные с ними божества еще длительное время почитаются коренными жителями. Их имена фигурируют в молитвах, им делают жертвоприношения

²⁵ ПМА. 2005 г., 2009 г., 2010 г., р. Тромъеган.

²⁶ ПМА. 2014 г., р. Тромъеган; 2014 г., р. Малый Юган.

²⁷ ПМА. 2004 г., р. Тромъеган.

²⁸ ПМА. 2014 г., р. Лямин.

²⁹ ПМА. 2014 г., р. Тромъеган.

³⁰ ПМА. 2014 г., г. Когалым.

³¹ См.: Карьялайнен К. Ф. Указ. соч. С. 32–33.

³² См.: Вигет Э. Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного природопользования хантов. Екатеринбург, 2002. С. 183.

³³ ПМА. 2003 г., р. Лямин 2-й, р. Лямин 3-й; 2012 г., р. Лямин 3-й.

³⁴ ПМА. 2003 г., 2004 г., 2007 г., 2009 г., р. Большой Юган; 2004 г., 2008 г., 2014 г., р. Малый Юган.

³⁵ ПМА. 2003 г., р. Лямин 2-й.

во время совершения обрядов дома и на других святилищах.³⁶

В ходе полевых исследований были зафиксированы случаи возрождения обрядовой деятельности на культовых местах после длительных перерывов. Один из таких примеров связан со сменой поколений. О возрождении святилища *Вать яун кутэп Кот-Мых* на реке Ватьёган (бассейн реки Аган) получена следующая информация: «На это священное место ходили еще старики, которые жили в тех местах. А затем старики умерли. И какое-то время туда никто не ходил. Молодежь не знала даже, где такое место. В прошлом году я, еще несколько знающих людей и молодежь снова поехали туда. Теперь место снова возродилось».³⁷

Другой пример посещения святилища после длительного перерыва связан с его функциональной спецификой. В конце 1990-х гг. пимские ханты совершили поездку на культовое место *Ай пин той* к истоку реки Айпим, чтобы добыть скол дерева для изготовления изображения божества-покровителя реки Пим — *Пим лахэлты Ики* — в связи со смертью предыдущего хранителя.³⁸

Третий пример касается возобновления посещения тромъеганскими хантами святилища одного из верховных угорских божеств *Кон Ики*, расположенного в устье Иртыша. В последнее десятилетие среди хантов получило распространение мнение о том, что одной из причин негативных изменений в их жизни является то, что «...люди стали меньше молиться и приносить жертвы своим богам, на что боги в ответ не стоят на охране интересов коренных жителей...»³⁹ В связи с этим в 2010 г. старейшины приняли решение о посещении одного из важнейших угорских святилищ с целью проведения большого обряда жертвоприношения. Значимость этого события для тромъеганских хантов заключается в том, что «...последний раз в устье Иртыша бывали только отцы и деды во время войны или перед войной».⁴⁰

В заключение отметим, что многие процессы, связанные с прекращением функционирования культовых объектов, с изменением мест содержания изображений божеств, с сокращением числа культовых построек на святилищах, имели место еще на рубеже XIX и XX вв.⁴¹ Однако промышленное освоение Среднего Приобья и изменение демографической обстановки на территориях проживания восточных хантов привели к ускорению перечисленных процессов.

Наибольшая сохранность традиционных функций отмечается у святилищ, связанных с культом родовых божеств. Здесь сохраняется институт хранителей, регулярность посещений, а также практика изготовления изображений божеств.

Территориальные святилища местных божеств-хозяев часто утрачивают свою значимость. Одной из причин этого является переориентация коренных жителей на формы жизнеобеспечения, не связанные с традиционным природопользованием. Следствием этого становится меньшая зависимость человека от местных божеств-хозяев, часто связанных с традиционными промысловыми культурами.

Коллективные жертвоприношения, сохранившиеся в практике хантов правобережья Оби, выполняют также функцию консолидации восточных хантов. В инициировании таких обрядов важную роль играют старейшины. На Тромъегане, Вынге, Пиме и Айпиме места проведения коллективных жертвоприношений часто привязаны к местам проживания хранителей традиций.

Важно отметить, что во многих случаях восточные ханты находят жизнеспособные ответы на внешние вызовы. Это проявляется и в функционировании святилищ после их повреждения пожарами, и в переносе изображений божеств со святилищ на стойбища, и в возрождении обрядов на святилищах после длительных перерывов.

Alexey A. Rud'

Research associate, Municipal autonomous institution of the Surgut region Historical and Cultural Research and Production Center «Barsova Gora» (Russia, Surgut)
E-mail: raa@bk.ru

³⁶ ПМА. 2010 г., р. Назым.

³⁷ ПМА. 2006 г., р. Аган.

³⁸ ПМА. 2007 г., р. Айпим.

³⁹ ПМА. 2006 г., р. Ингуягун; 2008 г., 2010 г., р. Тромъеган.

⁴⁰ ПМА. 2010 г., р. Назым.

⁴¹ См.: Карьялайнен К. Ф. Указ. соч. С. 7, 32, 33, 63, 64, 77.

RITUAL SITES OF THE EASTERN KHANTY IN THE 21ST CENTURY

The paper is based on results of the author's field studies of 2002–2016. The study territory covered the areas of traditional residence of the eastern Khanty in the Middle Ob region – the basins of the rivers Agan, Tomjegan, Pim, Lyamin, Big and Small Yugan, and Demjyanka. Modern trends are characterized by coexistence of both revival and termination of the Khanty ritual sites functioning processes. The practice of relocation of the sacred places ritual sites has become quite common, as well as the relocation of religious structures and gods' images from the traditional worship places. The factors influencing the eastern Khanty's religious sites functioning over the past 50 years have been the economic development of the Middle Ob region's territory, as well as the changes in demography, social and political changes, technological and information revolutions, the activism of the neo-protestant missionaries. The most vivid evidences of successful adaptation of the traditional culture to new conditions were the localization of master gods worship places in the hunting and fishing territories in the form of the ritual sites, the continuation of the ritual sites functioning after the fires, resumed practice of the eastern Khanty travel to the main Ugrian sacred places.

Keywords: *Eastern Khants, sacred places, transformation of traditional religion, adaptation of traditional culture, cult objects, Middle Ob*

REFERENCES

- Balalaeva O. E. *Svyashchennye mesta khantov Sredney i Nizhney Obi* [Sacred places of Khanty of Middle and Lower Ob]. Ocherki istorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya khantov [Issues of history of traditional nature management of Khanty]. Ekaterinburg: Tezis Publ., 1999, pp. 140–156. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Govoryashchie kulytury: traditsii samodiytsev i ugrov* [The speaking cultures: traditions of Samoyed and Ugric People]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 1995. 607 p. (in Russ.).
- Karyalaynen K. F. *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yugra people]. Vol. 2. Tomsk: Izd-vo Tom. Uni. Publ., 1995. 284 p. (in Russ.).
- Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [The person and the nature in beliefs of Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. Uni. Publ., 1984. 192 p. (in Russ.).
- Lekhtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk: izd-vo Tomskogo Uni. Publ., 1998. 136 p. (in Russ.).
- Lukina N. V. *Khantyyskiy obryad zhertvoprinosheniya* [Khanty ceremony of a sacrifice]. Tomsk Journal LING & ANTHRO, 2013, no. 2 (2), pp. 106–114. (in Russ.).
- Perevalova Ye. V., Karacharov K. G. *Reka Agan i ee obitateli* [River Agan and its inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAS, Studiya "Grafo" Publ., 2006. 352 p. (in Russ.).
- Pesikova A. S. *Vzglyad iznuri kulytury* [View from the inside of culture]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2006. 98 p. (in Russ.).
- Sokolova Z. P. *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* [Khanty and Mansi: view from the 21st century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p. (in Russ.).
- Suvorina Ye. S., Samigulov G. Kh. *Svyatilishche reki dukhov* [Sanctuary of the river of spirits]. Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoy Yevrazii: problemy, poisk, otkrytiya: Materialy LI Regionalnoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh [Archaeology, ethnography and palaeoecology of Northern Eurasia: problems, search, discovers. Materials of the LI Regional archaeological and ethnographic conference of students and young scientists]. Krasnoyarsk, 2011, pp. 307–308. (in Russ.).
- Viget E. *Ekonomika i traditsionnoe zemlepol'zovanie vostochnykh khantov* [Economy and traditional land use of east Khanty]. Ocherki istorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya khantov [Issues of history of traditional nature management of Khanty]. Ekaterinburg: Tezis Publ., 2002, pp. 167–222. (in Russ.).
- Wiget A., Balalaeva O. *Khanty, people of the taiga: surviving the twentieth century*. Fairbanks: University of Alaska Press Publ., 2011. 398 p. (in English).